

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/24099554/1/5

В.Г. Щукин**ТИХИЙ АНГЕЛ. К ИСТОРИИ ОДНОГО ИЗ КОНСТАНТНЫХ
МОТИВОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ****Статья первая. Происхождение и история топоса**

В статье предпринята попытка проследить генезис одного из мотивов романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» – мотива тихого ангела, метафорически связанного с главной героиней, Лизой. Тихий ангел функционирует в западноевропейской культуре как топос, известный со времен позднего Средневековья, когда более старая традиция, согласно которой ангелы изображались в образе суровых воинов – защитников христиан, стала постепенно вытесняться другой, пиетической, подчеркивавшей добродушие и кротость ангелов-хранителей. В Новое время, в особенности в эпоху романтизма, тихий ангел всё чаще ассоциируется с образом любимой женщины, которая безропотно принимает приговоры судьбы и «тихо» удаляется в лучший мир.

Ключевые слова: тихий ангел, ангел-хранитель, мотив, топос, христианство, исихазм, гуманизм, романтизм, И.С. Тургенев.

Когда И.С. Тургенев был еще мальчиком, мимо лутовиновского кладбища проходил полк солдат. Старый капитан, грязный, усталый, остановился около могилы девочки, дочери когда-то жившего в усадьбе архитектора, и медленно прочел эпитафию:

Бог ангелов считал –
Одного не доставало,
И смертная стрела
На Лизоньку упала.

Капитан выругался площадной бранью и побрел дальше¹, что в его ситуации вполне понятно. Но давайте посмотрим на текст эпитафии с другой стороны – как на памятник постепенно уходящей в прошлое сентиментальной культуры. Безвременно усопшую девочку звали Лиза – как *бедную* Лизу из повести Н.М. Карамзина, превратившего фривольную субретку Lisette из комедий Мольера в несчастную крестьянку, которая «чувствовать умеет» [2. С. 135–141]. Благодаря надгробной надписи дочка архитектора сохранилась

¹ Этот случай приводит со слов Тургенева поэт Яков Полонский [1. Т. 2. С. 396–397].

в памяти потомков как ангелочек, который должен был отправиться на небо, когда там почему-то стало не хватать своих ангелов. Ничем не омраченная идиллия и такая чудная, такая книжная, оторванная от жизни и такая верная истина: невинное существо, девочка, девушка – она и есть ангел. Как деист и агностик, Тургенев в существование «настоящих» ангелов не верил, но, быть может, именно потому так тонко чувствовал поистине ангельскую природу молодой женщины...

Я вряд ли погрешу против истины, если стану утверждать, что самой «ангельской» героиней Тургенева была еще одна «бедная Лиза» – Елизавета Михайловна Калитина. Вспомним эпилог «Дворянского гнезда». Спустя восемь лет постаревший Лаврецкий внезапно появляется в доме Калитиных, в губернском городе О... Лемм уже умер, но жив еще кот Матроска, даже Геденовский жив и всё так же лжет, как прежде. Жива и Лиза...

– Мы о Лизе недавно имели вести, – промолвил молодой Калитин, – и опять кругом всё притихло, – ей хорошо, здоровье ее теперь поправляется понемногу.

– Она всё в той же обители? – спросил не без усилия Лаврецкий.

– Всё в той же.

– Она к вам пишет?

– Нет, никогда; к нам через людей вести доходят. – Сделалось внезапное, глубокое молчание; вот «тихий ангел пролетел», подумали все [3. Т. 7. 291].

«Тихий ангел пролетел» – известная поговорка. Так обычно говорили и в народе, и в так называемом благородном обществе, когда подует внезапно чуть заметный теплый ветерок или когда во время оживленной беседы вдруг воцарится тишина. Простые люди верили, что в этот самый момент где-нибудь пришло на свет дитя и что ангел-хранитель, который всегда присутствует при его рождении, приносит ему с неба душу [4]. Выражение «тихий ангел» необыкновенно точно определяет общее отношение героев к Лизе Калитиной. Она была ангелоподобной¹ – нежной, как легкий ветерок или как невинный младенец, кроткой и смиренной.

И всё же нельзя не заметить, что, обращаясь к образу тихого ангела и указывая на его связь с героиней «Дворянского гнезда», Тургенев имел в виду не только вышеописанный комплекс народных верований. В этом образе намечен целый ряд едва обозначенных семантических соотношений, которые могут многое объяснить в неповторимом

¹ Полный перечень прежних и современных представлений об ангелах и феномене ангелоподобия содержится в сборнике: [5]. Однако историк русской литературы эпохи романтизма и раннего реализма найдет в этом издании немного полезных для себя сведений.

характере и ходе мышления писателя, рассказать о его интеллектуальном опыте и о характере его духовного мира. Как же следует понимать выражение «тихий ангел», чтобы как можно глубже проникнуть в суть тайны, которая заключена в приведенном фрагменте, полном особой *тишины*, красоты и гармонии?

На первый взгляд лексема *ангел* у Тургенева не выступает в буквальном, этимологическом значении слова *αγγελος* – ‘посланец’, которое, в свою очередь было переводом с древнееврейского *melāck*, обозначавшего то же самое [6. С. 76]. В иудеохристианской традиции существует, однако, иное, «негативное» понимание ангельского начала: ангелообразие означало безгрешность, а следовательно, душевную чистоту и невинность. Лиза, которой в романе девятнадцать лет, была не по летам серьезной девушкой: на протяжении всего романа она ни разу не смеется. Она на редкость честна и убеждена в том, что человек не живет на земле для собственного удовольствия, ибо жизнь есть исполнение нелегкого и возвышенного долга. И наконец, она просто *тихая* – и в переносном, и в буквальном смысле слова. Послушаем, что думает о ней Лаврецкий в XVIII главе, после первой встречи с нею повзрослевшей:

Славная девушка, что-то из нее выйдет? Она и собой хороша. Бледное, свежее лицо, глаза и губы такие *серьезные*, и взгляд *честный и невинный*. Жаль, она, кажется, восторженна немножко. Рост славный, и так *легко* ходит, и голос *тихий*. Очень я люблю, когда она вдруг остановится, слушает со вниманием, без улыбки, потом задумается и откинет назад свои волосы [3. Т. 7. С. 183–184] (курсив мой. – В.Щ.)¹.

Откуда это на редкость тесное единство серьезности, невинности и «тишины»? Быть может, причина кроется в религиозности героини? Да, это именно так. Не случайно Тургенев в письме к Е. Ламберт от 22 декабря 1857 г. утверждал, что главной героиней «Дворянского гнезда» (первоначально роман носил заглавие «Лиза») будет набожная девушка². Ненавязчиво подчеркнутое пылкое христианское усердие – весьма важная, хотя и не единственная характерная черта ее личности, а великолепный образ слетающего с небес ангела имеет прямое отношение к христианской образности. Вспомним, как она молится – во время церковного или домашнего богослужения, а также

¹ Подобным образом размышляет Лемм: «Лизавета Михайловна девица справедливая, серьезная, с возвышенными чувствами» [3. Т. 7. С. 197].

² «Я теперь занят другою, большою повестью, главное лицо которой – девушка, существо религиозное...» [7. Т. 3. С. 179].

в полном одиночестве, в своей «девичьей» комнатке. Лиза всегда молилась тихо, без слов, одним словом, кротко. Это особое настроение и даже своего рода поэтика тихой и кроткой молитвы невольно передаются Лаврецкому – не интеллектуальным путем, не как мысль, а благодаря «безмолвному», неуловимому чувству:

Она усердно молилась: *тихо* светились ее глаза, *тихо* склонялась и поднималась ее голова. Он *почувствовал*, что она молилась и за него, – и чудное умиление наполнило его душу. Ему было и хорошо и немного совестно. Чинно стоявший народ, родные лица, согласное пение, запах ладану, длинные косые лучи от окон, самая темнота стен и сводов – всё говорило его *сердцу*. Давно не был он в церкви, давно не обращался к Богу; он и теперь не произнес никаких молитвенных слов, – он *без слов даже не молился*, – но хотя на мгновение если не телом, то всем помыслом своим повергнулся ниц и принял *смирненно* к земле. Вспомнилось ему, как в детстве он всякий раз в церкви до тех пор молился, пока не ощущал у себя на лбу как бы чьего-то свежего прикосновения; это, думал он тогда, *ангел-хранитель* принимает меня, кладет на меня печать избрания. Он взглянул на Лизу... „Ты меня сюда привела, – подумал он, – коснись же меня, коснись моей души“. Она же всё так же *тихо* молилась; лицо ее показалось ему радостным, и он умилился вновь, он попросил другой душе – покоя, своей – прощенья... [3. Т. 7. С. 227] (курсив мой. – В.Щ.).

Вот, оказывается, где кроется источник «ангельской» метафорики. Тихий ангел замещает и символизирует Лизу, так как для неверующего Лаврецкого она становится ангелом-хранителем. Так почему же наша героиня такая «тихая» и почему так тихо молится?

Западные наблюдатели духовной жизни русских людей зачастую склонны объяснять подобное поведение влиянием исихазма – поздневизантийского течения богословской и философской мысли, название которого происходит от греческого слова *ἡσυχία* – ‘тишина, молчание’, буквально ‘приглушение’. Его представители (св. Григорий Палама, преп. Никифор Уединенник), их предшественники (св. Григорий Нисский, св. Григорий Назианин Старший, св. Иоанн Лествичник, св. Симеон Новый Богослов и др.), а также их русские последователи (к примеру, Нил Сорский и Максим Грек) в самом деле являлись ревнивыми сторонниками «молитвы сердца» – так называемой Иисусовой молитвы. Молиться нужно было беззвучно, про себя, мысленно повторяя слова: «Господи Иисусе Христе, Сын Божий, помилуй меня грешного». При этом следовало на время задерживать дыхание и выполнять ряды иных созерцательных приемов, что, по мнению исихастов, приводило к тому, что молившийся постепенно начинал «дышать Богом», в то время, как Христос проникал в его сердце каждый раз, когда он вдыхал воздух [8. С. 95–97, 104–105]. Центром бы-

тия человеческого было для исихастов сердце – «корень активности, интеллекта и воли, центр, из которого берет свое начало и в котором сосредоточивается вся духовная жизнь» [9. С. 179]. Для обожения сердца (ср.-греч. *θεοσις*) необходимы были прежде всего тишина и покой. В одном из исихастских инструкций – трактате, носившем заглавие «Метод святого внимания и молитвы», автором которого долгое время считался Симеон Новый Богослов, предписывается следующее:

Сядь в тихом помещении, в углу и делай то, что велю тебе: запри двери и вознеси свой разум выше всякого тщетно-суетного естества. Засим позволь борюде своей покойно лечь на груди, обрати очи и весь разум свой к середине живота, на так называемый пупок. Задержи вдыхание воздуха через нос, так чтобы ты не дышал слишком часто. Погрузись разумом внутрь себя, дабы там обрести место для сердца, где обычно собираются все силы души. Сперва узришь темень и тупое, тяжелое сопротивление, но пребывая в сием состоянии и упражняясь в нем день и ночь, пречудесным образом обрящешь счастье безграничное... [10. С. 271]. Цит. по: [8. С. 103] (перевод мой. – В.Щ.).

Можно ли предположить, что Лиза Калитина научилась творить Иисусову молитву от своей няни Агафьи, чье имя в переводе с греческого означает «любящая»? Значит ли это, в свою очередь, что Агафья, будучи крепостной крестьянкой и живя в полном согласии с тем, как воображали себе крестьянскую жизнь славянофилы, сохранила в сердце своем живую традицию истинной христианской веры, не искаженную позднейшими наслоениями, в особенности губительным влиянием западной схоластики в духе рационалиста Аристотеля? А быть может, не только крестьяне, но и вообще все русские чувствовали живую потребность в «молитве сердца», ибо все они были так или иначе воспитаны согласно традициям восточного христианства?

В самом деле, в приведенном ранее фрагменте Лаврецкий мыслит не разумом, а сердцем («всё говорило его сердцу»), а если бы он всё же стал молиться, то вероятнее всего безмолвно, про себя («он без слов даже не молился»). Так неужели даже неверующие или агностически настроенные люди, которых среди русской интеллигенции середины XIX в. было немало, неосознанно ощущали на себе влияние исихастской традиции? Подобный вывод может стать серьезным искушением для историков отечественной литературы и культуры, тем более что сравнительно недалеко от города О... (т.е. Орла, родины Тургенева) находится знаменитая Оптиная пустынь. Известно, что оптинские старцы – Лев, Макарий, Антоний и Амвросий – трудились над совершенствованием традиции Иисусовой молитвы, возрождение которой было связано с деятельностью св. Паисия Величковского на

рубеже XVIII и XIX вв. Известно также, что Иван Киреевский, а вслед за ним Гоголь, Владимир Соловьев, Достоевский и Лев Толстой ездили в Оптину, проявляя огромный интерес к учению тамошних старцев, и, что за этим следует, к мистическому богословию восточных Отцов Церкви. Такого рода искушения не избежал известный польский литературовед Рышард Пшибыльский, который пытался доказать, что *раннее* творчество Достоевского (утопического социалиста, приговоренного к смертной казни за публичное чтение письма Белинского к Гоголю, т.е. по сути дела за безбожие) проникнуто восточно-христианской мистикой, что следует объяснить прямым влиянием св. Григория Паламы и св. Максима Исповедника [11. С. 225–233].

Особый интерес западных и восточноевропейских авторов к мистическим течениям в православии и к русскому славянофильству, которое многим из них кажется более оригинальным, «типично русским» по сравнению с «тривиальным» западничеством, вполне можно понять. Однако я ни в коей мере не могу согласиться с подобными представлениями о России и русской литературе XIX в., ибо они противоречат истине. Правда, на мой взгляд, выглядит следующим образом: все без исключения русские классики указанного периода, независимо от мировоззрения, обращались к христианским мотивам, сюжетам и идеям, черпая при этом не из кладезя византийского богословия, не из учения оптинских старцев и не из «живой» народной веры, которую идеализировали славянофилы. Главным источником вдохновения служила им светская культура *стран европейского Запада*. Именно оттуда исходило могучее влияние традиции ренессансного и постренессансного гуманизма, христианской в самом широком значении этого слова, но в то же время весьма далекой от восточной ортодоксии. Известно, что мать Тургенева, Варвара Петровна, считала православие «мужицкой религией»¹, и есть основания полагать, что ее сын, помимо глубочайшего уважения к «мужикам», мыслил подобным образом. По-европейски образованное русское дворянство открывало для себя прекрасные образы Христа, Богородицы, ангелов и святых не в православной духовной литературе, не в проповедях священников, а в произведениях Данте и Петрарки, Шекспира

¹ Биограф Тургенева, ссылаясь на его сводную сестру, Варвару Николаевну Житову, говорит о том, что хозяева Спасского-Лутовинова и их дети не только разговаривали между собой, но и молились по-французски, а Варвара Петровна ежедневно заставляла Вареньку вслух читать по-французски по одной главе книги, которая называлась «L'imitation de Jesus Christ», т.е. «Подражание Иисусу Христу». Сергей Николаевич, отец писателя, вообще не верил в Бога, но при этом был суеверным [12. С. 10–11].

и Мильтона, Сервантеса и Кальдерона, Расина и Шатобриана, Гёте и Шиллера. Ближневосточный ангел, долгие века пребывавший в садах константинопольских мудрецов и на скалах святой горы Афон, в конце концов явился на западе Европы и там, расправив крылья в животворящих лучах Возрождения, познавательного оптимизма Декарта и скептицизма Паскаля, повернул назад, добрался до восточного побережья Финского залива и оттуда отправился еще дальше, в многотрудное путешествие вглубь России.

Попытаемся же проследить появление и позднейшую эволюцию мотива тихого ангела в западной религиозной традиции. Подробнейший анализ многочисленных источников на эту тему, проведенный Жаном Делюмо – одним из корифеев французской историографии XX в., представителем знаменитой школы «*Les Annales*», топос ангела-хранителя появляется в Западной Европе уже в первом тысячелетии нашей эры. В те давние годы раннесредневековые авторы чаще всего обращались к образу Рафаила из ветхозаветной Книги Товита или из Псалтыри [13. 6,1]. Ср. также: [14. Псалом 91, 11–12]; нередко были также обращения к образу архангела Михаила. Тогдашние представления об ангелах-хранителях сильно отличались от нынешних. Ангелы были воинами: чужды им были тихий нрав и нежность. Они защищали города и царства от полчищ бесов и иного рода бед и казней, которые ниспосылал сатана. Они всегда были непреклонны и превосходно вооружены. Именно такими предстают ангелы-хранители сначала на христианском востоке, в произведениях Оригена (II–III вв.), а затем у св. Василия Великого (IV–V вв.). Впоследствии этот топос без существенных изменений перемещается на Запад, появляясь, к примеру, в творчестве блаженного Августина, св. Фомы Аквинского, св. Григория Великого и других авторитетов римско-католической церкви [15. С. 303–317]. Образ нежного ангела появляется гораздо позже, в XII в., т.е. накануне прихода новых времен, когда возрос уровень жизни и материальной обеспеченности, а чувство безопасности существенно возросло. Как известно, это привело к серьезным изменениям в строе западной духовной культуры, благодаря чему пропасть между нею и христианским востоком, где, наоборот, нарастало чувство отчаяния ввиду надвигавшейся опасности, становилась всё глубже. Ж. Делюмо замечает, что «св. Бернар († 1153) в течение жизни своей постоянно общался с ангелами, а потому в значительной степени способствовал распространению их культа», но в то же время «руководствовался монашеской набож-

ностью его предшественников и современников». В этой традиции было принято называть ангелов «нашими братьями», «друзьями», которые охраняют нас и пребывают с нами на смертном одре, нашими «защитниками и опекунами». «Подобные мотивы, – заключает историк, – напрасно было бы искать у Августина, а тем более у отцов-пустынников» [15. С. 321–322].

Таким образом, ближе к концу Средневековья усиливается тенденция, суть которой – своего рода «гуманизация», очеловечивание ангелов, которые всё меньше напоминают отважных воинов из небесных полчищ и становятся всё более мягкими, нежными, полными доброты. Мотив ангелов, похожих на пчел, которые всё время порхают между небом и землей, будучи воплощением чуткости и сладости (*dulci*), появляется в «Жизни Христа» («*Vita Christi*») Людольфа Саксонского († 1370) – одном из популярнейших произведений западной религиозной письменности XIV в. Столетием позже в описаниях ангелов появляются элементы пиетизма и жалостливости, совершенно чуждые восточной ангелологии. Распространению этой особой, специфически западной разновидности чувствительности, отличной от восточно-христианского умиления (*ελεός*), способствовал культ индивидуальных ангелов-хранителей, начало которого датируется концом XIV в. [15. С. 317]. Дионисий Каргузский († 1471), известный проповедник и мистик XV в., которого называли «доктором экстаза», комментируя ангелологические рассуждения Псевдо-Дионисия Ареопагита, придает им принципиально новый, «смягченный» смысл. Приведем фрагмент из его книги, содержащей семь проповедей и озаглавленной «*In festo sti Michaelis archangeli et omnium ss. angelorum*», в котором выражено характерное для этого автора понимание ангельской «тишины» и покоя:

Ангелам святым вполне внятн покой сердца, иными словами весьма нежное и безмятежное спокойствие духа в Боге, в котором почивают они *в вечной тишине*. Меж ними господствует полнейшее согласие. Нет между ними ни малейшего недоразумения, ни малейшего взаимного подозрения, ни тени неприязни <...>. Они сопряжены между собою неземною, сверхъестественною любовью <...>. Постараемся же стремиться к подобному покою в сердце, обрести его, приять во владение это сладкое и бесконечное отдохновение духа в Боге [16. Т. 22. С. 439]. Цит. по: [15. С. 346] (перевод и курсив мой. – В.Щ.).

Постепенно складывается устойчивая традиция, согласно которой ангелообразie прочно связывается с тишиной, невозмутимым спокойствием и невинностью ребенка. Шли века, пиетизм позднего Средневековья сменялся иного рода тенденциями, но периодически

давал о себе знать, лишь слегка изменяя свой облик. Один из наиболее значительных рецидивов такого рода эмоциональности пришелся на вторую половину XVIII в. и совпал с расцветом сентиментализма. Умеренно-облагороженная экстатическая набожность, популярная, к примеру, среди представителей мистической разновидности масонства, противопоставляла себя как аскетическому фундаментализму, так и крайнему рационализму в границах многообразной культуры Просвещения. Приблизительно в то же самое время в календарях Адвента, популярных среди лютеран, в роли покровителя 24-го дня (18 декабря) появился тихий ангел (нем. *der leise Engel*). В этой роли он фигурирует и по сей день в массовом культурном сознании немцев, скандинавов и жителей Великобритании, о чем свидетельствуют бесчисленные интернетные сайты.

В период «бури и натиска», когда происходило переосмысление старых понятий, ангельская кротость засверкала новым блеском на идейном небосклоне предромантизма и явилась настоящим открытием для тех склонных к консервативному видению мира деятелей искусств, которым незачем было расставаться с сентиментальной моделью поэтического воображения и которые охотно погружали своих читателей в сладостно-изысканную атмосферу чувствительности. Тургенев был, быть может, последним из европейских писателей с мировым именем, который обратился к этой традиции, оказавшейся более живучей, чем представлялось многим ее противникам¹. Спустя десятилетия немилости, причиной которой сперва стал позитивистский прагматизм, а затем модернистская деструкция и утопические чаяния авангарда, потребность в ангельской нежности появлялась в новейшие времена еще несколько раз, и всё говорит о том, что она жива и близка сердцу многих людей во всем мире. Нелишним будет заметить, что пользователи Интернета из разных стран, связанных с христианскими культурными традициями, на форумах и в так называемых блогах охотно обращаются к образу тихого ангела – чаще всего тогда, когда переживают состояние меланхолии, вызванной любовной тоской. Англоязычные мечтатели называют его *still angel*; немецкие, как уже было сказано, говорят о *leise Engel*, подчеркивая при этом именно тишину как акустическое качество; у франкофонов есть

¹ В этой связи стоит вспомнить написанное в 1830 г. стихотворение «Тихий ангел» Дмитрия Долгорукова (1797–1867), члена общества «Зеленая лампа», позднее декабриста [17. С. 28], а также лирический цикл А.А. Фета «К Офелии» (1842–1847), первое стихотворение которого начинается словами: «Не здесь ли ты легкою тенью, / Мой гений, мой ангел, мой друг, / Беседуешь тихо со мною / И тихо летаешь вокруг?» [18. С. 84].

как сладко-нежный (*ange doux*), так и тихий ангел (*ange sour*), причем последний появляется так же часто, как и первый (речь идет о десятках тысяч упоминаний). Русскоязычные пользователи Мировой паутины из разных стран Азии, Европы и Америки гораздо чаще упоминают не *доброе*, а именно *тихого* ангела. Во всем Интернете я встретил, однако, только два упоминания тихого ангела на польском языке, хотя принадлежность Польши к западнохристианскому духовному сообществу совершенно очевидна. Вполне понятно, что пользователи сети помещают на этих сайтах много стихов – как собственного сочинения, так и известных поэтов, на нескольких языках.

Повторю сказанное: ничего подобного мы не встретим в византийском культурном ареале вплоть до XVIII в., т.е. до решительного поворота в сторону западного культурного наследия. В первую очередь это касается России. Последствием никоновских, а затем и петровских преобразований были разрыв с аскетической традицией «черного» христианства и частичная окцидентализация православия, которая, среди прочего, предполагала усвоение существенных элементов «розового» западнохристианского пиэтизма¹. Что же касается понятия тишины в значении предрасположенности к покою, миру и сохранению незыблемости вековых традиций (синонимом *тишины* в данном случае являлась *косность*), то в России оно дожило до бурных петровских времен [19. С. 13–17], а позднее подверглось частичной модификации под влиянием соответствующего западного концепта, не совсем чуждого православному сознанию, но всё же проникнутого воистину «невосточной» поэзией мягкости, снисходительности и даже гуманистического индивидуализма.

Религиозное сознание «ангельской» героини «Дворянского гнезда» было близким к «черной» разновидности христианской набожности. Тургенев мотивирует это влиянием Агафьи. В молодые годы Лизина няня была женщиной отважной, непослушной; в то время она даже «грешила» с баринком, но впоследствии Агафья становится типичной жертвой тяжелой судьбы, уготованной всем крепостным крестьянкам. Эта судьба, а также смерть детей сделали ее такой смирен-

¹ В данном случае используется известное противопоставление двух исторических разновидностей христианского мироощущения, которыми были христианство «черное» (строгое, аскетическое) и «розовое» (подверженное позднейшей гуманизации). Это разграничение предложил К.Н. Леонтьев в известной статье «Наши новые христиане. Достоевский и Лев Толстой» (1882).

ной. После смерти мужа, вора и горького пьяницы, в ней происходят значительные внутренние изменения:

Она стала очень *молчалива* и богомольна, не пропускала ни одной заутрени, ни одной обедни, раздавала все свои хорошие платья. Пятнадцать лет провела она *тихо, смиренно, степенно*, ни с кем не ссорясь, всем уступая. Нагрубит ли ей кто – она только поклонится и поблагодарит за учение. Барыня давно ей простила, и опалу сложила с нее, и с своей головы чепец подарила; но она сама не захотела снять свой платок и всё ходила *в темном платье*; а после смерти барыни она стала еще тише и ниже [З. Т. 7. С. 241] (курсив мой. – В.Щ.).

По замыслу Тургенева, Агафья (от греческого *ἀγάπη* – ‘братская, милосердная любовь’) представляет в романе «черное» христианство, в котором слышны отголоски средневековой Византии и Древней Руси. Характер няни трудно назвать мягким: она относится к девочке достаточно сурово и непреклонно, а ее смирение преисполнено гордым достоинством носительницы абсолютной истины. Она «тихая», но в специфическом, древнерусском значении этого слова – в значении «косности», приверженности неизменным традициям. Вышеописанная набожность Лизы во многих случаях совпадает именно с этой *серьезной* разновидностью религиозного сознания, далекой от постренессансной гуманной чувствительности. Не случайно героиня так серьезно, совершенно в духе сурового византизма, говорит Лаврецкому о смерти – ключевой категории любого христианского учения:

– Христианином нужно быть, – заговорила не без некоторого усилия Лиза, – не для того, чтобы познавать небесное... там... земное, а для того, что каждый человек должен умереть.

Лаврецкий с невольным удивлением поднял глаза на Лизу и встретил ее взгляд.

– Какое это вы промолвили слово! – сказал он.

– Это слово не мое, – отвечала она.

– Не ваше... Но почему вы заговорили о смерти?

– Не знаю. Я часто о ней думаю.

– Часто?

– Да [З. Т. 7. С. 210].

Чье это было слово? Агафьи? Вполне возможно. Возможно также, что няня научилась всему этому от своего духовного отца. Подлинным же источником этого покойно-покорного, «тихого» танатоцентризма были многочисленные высказывания самого Христа, о которых более зажиточная и менее жестокая Западная Европа постаралась забыть в эпоху жизнерадостного ренессансного пира.

Однако подобного рода взгляды не исчерпывают всего богатства личности Лизы. И не потому, что после трехлетнего Агафьиного вос-

питания (с пяти до восьми лет) за девочку взялась легкомысленная мадемуазель Моро: в последующие годы няня по-прежнему продолжала оказывать на нее влияние. Не следует, однако, забывать, что Лиза была русской дворянкой и, по замыслу Тургенева, именно в ней воплотилась подлинная *душа* «дворянского гнезда». А, как справедливо заметила ее двоюродная бабушка Марфа Тимофеевна, девушке из благородного сословия негоже бить земные поклоны во время молитвы: «не дворянская, мол, это замашка» [3. Т. 7. С. 243]. Повествователь прямо нигде не говорит о том, что и духовное сознание, и психика Лизы были далеки от строгой монолитности, но на самом деле так оно и есть. К такому выводу приводит читателя внимательный анализ всех заключенных в тексте романа сведений об этой героине, общий смысл которых весьма далек от однозначности. Попробуем, к примеру, повнимательнее вчитаться в следующий фрагмент:

Лизу сперва испугало серьезное и строгое лицо новой няни; но она скоро привыкла к ней и крепко полюбила. Она *сама была серьезный ребенок*; черты ее напоминали резкий и правильный облик Калитина; только глаза у ней были не отцовские; они светились *тихим* вниманием и добротой, что редко в детях. Она *и в куклы не любила играть*, смеялась *не громко* и не долго, держалась чинно. Она задумывалась не часто, но почти всегда недаром: *помолчав* немного, она обыкновенно кончала тем, что обращалась к кому-нибудь старшему с вопросом, показывавшим, что голова ее работала над новым впечатлением» [3. Т. 7. С. 241–242] (курсив мой/ – В.Щ.).

Всё это говорится о *четырёхлетнем* ребенке. Агафья в жизни Лизы еще не появилась, а уже заметна та благодатная почва, на которую вскоре падут семена сугубой религиозности христианского Востока¹. Кого же напоминает эта не по летам серьезная маленькая барышня? Разумеется, Татьяну Ларину: «Но куклы даже в эти годы / Татьяна в руки не брала» [20. Т. 5. С. 48]. Тургенев вслед за Пушкиным повторяет простую истину: дети приходят на свет, уже обладая определенными склонностями и чертами характера. Вопреки утверждениям Й. Хёйзинги [21], не все из них любят играть – бывают дети молчаливые и очень серьезные, хотя последнее совсем не обязательно означа-

¹ После ухода из дома Калитиных Агафья предприняла паломничество на Святую землю и назад больше не вернулась. Ходили «темные слухи», что она поселилась в старообрядческом скиту [3. Т. 7. С. 243]. По всей вероятности, Тургенев считал, что очевидным следствием «тихого горения» в ортодоксальной вере может стать только религиозный фундаментализм. В его «рождественском» письме к А.И. Герцену 13 (25) декабря 1867 г. есть знаменательные слова: «Русский человек, самому себе предоставленный – неминуемо вырастает в старообрядца» [7. Т. VII. С. 14].

ет, что такой ребенок будет набожным, потому что никакой врожденной религиозности на свете не существует¹. Существует нечто иное – психическая предрасположенность к религиозности в будущей взрослой жизни. Не исключено, что если бы в жизни Лизы не было Агафьи и если бы мадемуазель Моро была не легкомысленной, а заботливой и в то же время религиозной женщиной, наша героиня превратилась бы в ярую ультрамонтанку, что стало со многими мудрыми и серьезно настроенными русскими аристократками предыдущего поколения [22. С. 27–55; 23. С. 56–66]. Вернемся, однако, к описанию Лизиною детства:

Бывало, Агафья, вся в черном, с темным платком на голове, с похудевшим, как воск прозрачным, но всё еще прекрасным и выразительным лицом, сидит прямо и вяжет чулок; у ног ее, на маленьком креслице, сидит Лиза и тоже трудится над какой-нибудь работой или, важно поднявши светлые глаза, слушает, что рассказывает ей Агафья; а Агафья рассказывает ей не сказки: мерным и ровным голосом рассказывает житие пречистой девы, житие отшельников, угодников Божиих, святых мучениц; говорит она Лизе, как жили святые в пустынях, как спасались, голод терпели и нужду, – и царей не боялись, Христа исповедовали; как им птицы небесные корм носили и звери их слушались; как на тех местах, где кровь их падала, цветы вырастали. *«Желтофиоли?»* – спросила однажды Лиза, которая очень любила цветы... Агафья говорила с Лизой важно и смиренно, точно она сама чувствовала, что не ей бы произносить такие высокие и святые слова. Лиза ее слушала – и образ вездесущего, всезнающего Бога с какой-то сладкой силой втеснялся в ее душу, наполнял ее чистым, благоговеиным страхом, а Христос становился ей близким, знакомым, чуть не родным» [3. Т. 7. С. 242] (курсив мой. – В.Щ.).

Этот фрагмент настолько сложен и семантически неоднозначен, что хотелось бы даже назвать его полифоническим, хотя общеизвестно, что тургеневская проза далека от полифонии. А ведь именно его комментаторы романа приводят в качестве свидетельства прочных связей Лизиною сознания с традиционной православной религиозностью русского народа. И они в самом деле правы – но лишь наполовину. Нельзя отрицать, что «черные», проникнутые аскетизмом рассказы Агафьи о страданиях и крови производят сильное впечатление на серьезно настроенную и способную глубоко переживать ту или иную мысль девочку. Но любит-то она *желтофиоли*, т.е. желтые анютины глазки, что растут на клумбе перед ее домом, в усадебном саду, который устроили когда-то не для того, чтобы славить Бога, и не для спасения грешной души, а просто ради красоты, приятного

¹ Пушкин ни словом не упоминает о религиозности Татьяны. Она романтична и проявляет склонность скорее к «языческим» фантазиям в духе модного в ту пору оссианизма: «<...> страшные рассказы / Зимой в темноте ночей / Пленяли больше сердце ей» [20. Т. 5. С. 48].

время препровождения и прочих земных удовольствий. Многообразие, поставленное Тургеневым в конце архиважного предложения, которое заканчивается словами «очень любила цветы», выглядит весьма красноречиво и призвано привлечь внимание читателя. Лиза, всё сильнее ощущающая потребность принадлежать к староправославной культуре с ее образом *страшного* Бога, в то же время остается верна всему тому, что присутствовало в ее жизни с самого начала, еще до Агафьи. Я имею в виду уважение к человеческому достоинству, внутренней независимости и праве на личную, в том числе интимную жизнь – всё то, что было порождено духом западноевропейского индивидуализма, присущим также русской дворянской культуре. Христианство Лизы было двояким: и тем, которому научила ее Агафья, и другим, исходившим от нее самой. Агафья не могла научить ее тому, что Христос приходит как близкий друг: подобные идеи появились в христианстве сравнительно поздно, на Западе, и были совершенно чужды традиционному православию. Но в то же время они-то и были широко распространены в среде просвещенного русского дворянства, в особенности среди его прекрасной половины, так как образованные дворянки охотно читали французские и немецкие книги о *кротком* Христе и *нежных* ангелах-хранителях.

Лиза была и тихой, и ангельской вдвойне: и такой, какую хотела видеть ее Агафья, и другой – той, которой было ближе к Людольфу Саксонскому и Дионисию Картузскому. Она была двужанровой и двуединой, как и вся русская культура Нового времени.

Литература

1. Полонский Я.П. И.С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину (из воспоминаний) // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. М., 1983. С. 358–406.
2. Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения: К двухсотлетию со дня выхода в свет. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995.
3. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. М.; Л.: Наука, 1960–1968.
4. http://egoroskop.com/pub/primery/znameniia/pochemu_govorat_proletel/ (доступ 17. 12. 2007).
5. *Księga o aniołach*. Praca zbiorowa / Red. H. Oleschko. Kraków: WAM Wydawnictwo, 2002.
6. Аверинцев С.С. Ангелы // Мифы народов мира: Энцикл. Т. 2. М., 1987.
7. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Письма: в 13 т. М.; Л.: Наука, 1960–1968.
8. Przybył E. Prawosławie. Wydanie 2-e, poszerzone. Kraków: Znak, 2006.

9. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М.: Центр «СЭИ», прил. к журн. «Трибуна», 1991.

10. Maloney G.A. Russian Hesychasm. The Spirituality of Nil Sorski. The Hague: Mouton, 1973.

11. Przybylski R. Dostojewski i „przekłète problemy”. Od „Biednych ludzi” do „Zbrodni i kary”. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1964.

12. Зайцев Б.А. Жизнь Тургенева: Литературная биография М. Дружба народов, 1998.

13. Ветхий Завет. Книга Товита.

14. Ветхий Завет. Псалтирь.

15. Delumeau J. Rassurer et protïger. Le Sentiment de sïcuritï dans l'Occident d'autrefois. Paris : Librairie Arthime Fayard, 1989.

16. Dionysius Cartusienis. Opera omnia : 42 vol. Montreil; Tournai; Turnhout, 1896–1913.

17. Долгоруков Д.И. Звуки: Стихотворения. СПб., 1863.

18. Фет А.А. Сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1982.

19. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. Т. 3 (XVII – начало XVIII века). М.

20. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949–1951.

21. Huizinga J. Homo Ludens. Proeve Eener Bepaling Van Het Spelelement Der Cultuur. Groningen, Wolters; Noordhoff, 1938. Русское изд.: Хёйзинга Й. Homo ludens; Статьи по истории культуры / пер. с гол. Д.В. Сильвестрова. М.: Прогресс-Традиция, 1997.

22. Mucha B. Rosjanie wobec katolicyzmu. Jydu: Diecezjalne Wydawnictwo Jydzkie, 1989.

24. Цимбаева Е.Н. Русский католицизм: Забытое прошлое российского либерализма. М.: URSS, 1999.

THE STILL ANGEL. ON THE HISTORY OF ONE OF THE CONSTANT MOTIFS OF RUSSIAN LITERATURE. ARTICLE ONE. THE ORIGIN AND HISTORY OF THE TOPOS.

Imagology and Comparative Studies, 2014, 1, pp. 52–68. DOI 10.17223/24099554/1/5

Shchukin Vasily G. Jagiellonian University in Kraków (Kraków, Poland). E-mail: wszczukin@yandex.ru

Keywords: still angel, guardian angel motif, topos, Christianity, Hesychasm, humanism, romanticism, I.S. Turgenev.

In the epilogue of the novel *Home of the Gentry* by I.S. Turgenev there is a scene when a person of the present company pronounces Lisa Kalitkina's name, everybody falls silent and thinks: "A still angel has flown by". In Russia, they say such a phrase at the moment of sudden silence. The motif of a still angel is linked metaphorically with the heroine of the novel: her nature can be labeled not only "still" (that is gentle, meek) but also truly angelic. In this article, an attempt to trace the genesis of this motif is made in three aspects: general cultural, literary-artistic and factual. The latter supposes the search for real prototypes of the heroine. Article One is devoted to the origin of the "still angel" topos. It follows the Eastern Christianity roots of the motif "stillness" (meekness, tranquility) as well as Western Europe pietistic tradition of the "angelic" motif mentioned in the story, which was more important for Turgenev.

Remembering nanny Agatha's ascetic religiosity influencing Lisa, it is possible to suggest that the source of the heroine's natural "stillness" is Hesychasm, the late Byzantine mystical tendency, the followers of which preached "divinization", i.e. introduction to the divine grace via "silentification" and silent (Jesus) prayer. Nanny Agatha may be considered as a guide of such kind of asceticism in *Home of the Gentry*. However, Lisa's religiousness was forming under the Western Europe pietism as well. The motif of an angel of Western Christianity tradition evolved significantly: a rough angel-warrior was replaced with an image of a meek angel-guardian. Such an interpretation of "still angel" can be traced in the works of Ludolf of Saxony (14th c.) and Dionysius Cartusianus (15th c.).

Such a replacement of the "warlike" understanding of an angelic essence with the pietistic image of an angel-guardian which is summoned to defend and appease the soul of every human being can be explained with the significant raise of the standard of living in the late medieval Western Europe, which generally results in "softer" forms of social life. At the beginning of the 18th century, the still angel becomes a common part of the popular pietistic literature, especially in Germany and other Protestant countries. The still angel becomes a favorite character of moralizing stories and talks as well as of Advent calendars. All that kind of literature reached Russia with ease and found its grateful readers represented by well educated gentry, who had rejected the Orthodox ascetic ideas long before. It is not by accident that Lisa associated the flowers growing on the spot where Jesus's blood had been shed with wallflowers, Erysimum cheiri, on the flower bed in the Kalitkins' garden which had been laid for appearance, nice pastime and other mundane pleasures. Lisa was the kind of person Agatha wanted to see, yet close to Ludolf of Saxony and Dionysius Cartusianus.

References

1. Polonskiy Ya.P. *I.S. Turgenev u sebya v ego posledniy priezd na rodinu (iz vospominaniy)* [I.S. Turgenev at his last visit to his homeland (from memoirs)]. In: Petrov S.M., Fridlyand V.G. (eds.) *I.S. Turgenev v vospominaniyakh sovremennikov*: v 2 t. [I.S. Turgenev, in the memoirs of his contemporaries. In 2 vols.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1983, vol. 2, pp. 358-406.
2. Toporov V.N. "Bednaya Liza" Karamzina: Opyt prochteniya: K dvukhsotletiyu so dnya vykhoda v svet [Reading "Poor Liza" by Karamzin: to the bicentenary of the publication]. Moscow: Russian University for the Humanities Publ., 1995. 512 p.
3. Turgenev I.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem*: v 28 t. [The complete works and letters. In 28 vols.]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1960-1968.
4. Available at: http://egoroskop.com/pub/primery/znameniya/pochemu_govorat_proletel/. (Accessed: 17th December 2007).
5. Oleschko H. (ed.) *Księga o aniołach. Praca zbiorowa*. Kraków: WAM Wydawnictwo, 2002. 698 p.
6. Averintsev S.S. *Angely* [Angels]. In: Tokarev S.A. (ed.) *Mify narodov mira* [Myths of the World]. Moscow: Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1987, vol. 2.
7. Turgenev I.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem*: v 28 t. [The complete works and letters. In 28 vols.]. M.; L.: Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1960-1968, vol. 13.
8. Przybył E. *Prawosławie*. Kraków: Znack Publ., 2006. 251 p.
9. Losskiy V.N. *Oчерк мистического богословия Восточной Церкvi. Dogmaticheskoe bogoslovie* [A sketch of mystical theology of the Eastern Church. The Dogmatic Theology]. Moscow: Tsentr "SEI" Publ., 1991.
10. Maloney G.A. *Russian Hesychasm. The Spirituality of Nil Sorski*. The Hague: Mouton, 1973.

11. Przybylski R. Dostojewski i “przeklête problem”. Od “Biednych ludzi” do “Zbrodni i kary”. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1964.
12. Zaytsev B.A. *Zhizn' Turgeneva: Literaturnaya biografiya* [The life of Turgenev: the literary biography]. Moscow: Druzhba narodov Publ., 1998. 221 p.
13. *Vetkhii Zavet. Kniga Tovita* [The Old Testament. Book of Tobit].
14. *Vetkhii Zavet. Psaltir'* [The Old Testament. Psalms].
15. Delumeau J. *Rassurer et protyger. Le Sentiment de sycurity dans l'Occident d'autrefois*. Paris: Librairie Arthime Fayard, 1989. 667 p.
16. Dionysius Cartusienis. *Opera omnia*: 42 vol. Montreil; Tournai; Turnhout, 1896–1913.
17. Dolgorukov D.I. *Zvuki. Stikhotvoreniya* [Sounds: Poems]. St. Petersburg, 1863.
18. Fet A.A. *Sochineniya*: v 2 t. [The works. In 2 vols.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982.
19. Panchenko A.M. *Russkaya kul'tura v kanun petrovskikh reform* [The Russian culture on the eve of Peter's reforms]. In: *Iz istorii russkoy kul'tury* [From the history of the Russian culture]]. Moscow: Litres Publ., 2014, vol. 3.
20. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochineniy*: v 10 t. [The complete works. In 10 vols.]. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1949–1951.
21. Huizinga J. *Homo ludens; Stat'i po istorii kul'tury* [Homo ludens. Articles on the history of culture]. Translated from Dutch by D.V. Sil'vestrov. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 1997.
22. Mucha B. *Rosjanie wobec katolicyzmu*. Judu: Diecezjalne Wydawnictwo Judzkie, 1989.
24. Tsimbaeva E.N. *Russkiy katolitsizm: Zabytoe proshloe rossiyskogo liberalizma* [Russian Catholicism: the forgotten past of Russian liberalism]. Moscow: URSS Publ., 1999.